

ЕВГЕНИЙ ПЕТРОСЯН: «СМЕЯТЬСЯ НАД ГОРЬКИМИ ПРОБЛЕМАМИ — ЗНАЧИТ ДЕЛАТЬСЯ ДУХОВНО СИЛЬНЕЕ...»

Кн. обзвукные. — 1994. — 20 век — с. 20

С ЕВГЕНИЕМ ПЕТРОСЯНОМ мы встретились за кулисами Дома литераторов, куда артист приехал, чтобы выступить на благотворительном вечере, сбор от которого пошел в пользу немилых писателей Москвы. Само участие в такого рода акции — уже, в определенном смысле, нравственный показатель. Прослышав о читательских (и писательских!) интересах артиста, мы поговорили с ним именно на эти темы.

— Интересно было бы узнать, что сейчас раскрыто из книг на столе у Евгения Петросяна?

— Вы как раз наступили на больную мозоль: у меня на столе раскрыто невероятное количество книг. Я сейчас пишу свою третью книгу — об остроумии в мировой литературе. Представляете, сколько книг я сейчас читаю! На моем столе — стопки книг. Здесь и Сервантес, и Булгаков, и Чехов, и Лопе де Вега, и Монтень... Могу перечислять бесконечно.

— Понимаю, что задаю вопрос из бытийных — неответных! — но кому из мировых остроумцев Петросян отдал пальму первенства?

— Очень трудный вопрос... У меня много любимых писателей. Первый остроумец — для нас, русских людей, — это Александр Сергеевич Пушкин. Непревзойденный остроумец. Если вы в настроении находить в нем только остроумие, а не лирику, вы найдете в нем его непочатый край. Пушкин писал с легкостью. Современники говорили, что у Пушкина есть элемент пародии — даже в самых-самых лирических произведениях...

— Кажется, Д.Д.Благой построил на рассмотрении этой гипотезы свою «пушкинскую» книгу «Душа в заветной лире» (М.: Сов. писатель, 1977)... Мне почему-то казалось, вы назовете кого-либо из философствующих остроумцев. Монтень, например.

— Безоговорочно назову Монтеня, Сервантеса...

— ...Еще третье иностранное имя — и вы прославите космополитом!

— Дальше пойдет русское: Михаил Афанасьевич. Очень люблю «Голубую книгу» Зощенко... Вообще-то выделять кого-то — даже опасно. У нас есть столпы остроумия. Как можно забыть о Гоголе или о Чехове?! Так что ваш вопрос совсем не из легких. Как я говорю, у каждого писателя или артиста — «свой рецепт творчества». Стасов писал о том, что только там народ себя чувствует хорошо, где он чувствует себя как дома. В искусстве и в литературе — то же самое. Когда писатель затрагивает сердце и душу, когда он, призывая к нравственности, остается понятен народу и близок, — тогда и появляется тот великий рецепт, который мы должны ценить.

— Тогда ловлю вас на слове: в чем рецепт Евгения Петросяна?

— Это вопрос к эстрадодедам — не ко мне. Я не могу рассуждать о своих достоинствах. Я могу рассуждать только о своих недостатках.

— Вот вам и следующий вопрос: какой у Петросяна самый большой недостаток?

— Перечисляю: большая в жизни зану-у-у-у-у! Такой педантичный...

— Наверное, в глубине души вы надеетесь, что ваш недостаток

продолжает ваши достоинства?

— Так — во всем, если это не переступает нравственную планку и не переходит в подлость, в какие-то безнравственные категории...

— Что это вас потянуло так сейчас писать книги? Смотрите, целая тенденция: книги пишут Плисецкая, Гурченко, Мордюкова...

— Я не пытаюсь выказать себя в какой-то особой роли. Я пытаюсь разобраться со всех сторон в том деле, которым я занимаюсь. Первая книга моя была о законах эстрадного комизма. Вторая — попытка осмысления народного фольклора. Третья книга — попытка осмысления остроумия в литературе. Здесь все причастно к тому, что я делаю. Считаю это прямой моей работой — может быть, несколько в ином качестве. Но я уже, видимо, — хорошо это или плохо, не мне судить — пребываю в этом качестве. Меня уже не остановить...

— Иногда в печати появляются ваши фотографии на фоне роскошной библиотеки с поблескивающими золотом корешками... Вы специально садитесь фотографироваться на фоне книг или в самом деле книги вас окружают?

— Что-то я таких фотографий не помню. Напротив, однажды ко мне приехала «Экспресс-камера» и хотела меня на таком фоне снять. Я посоветовал им: «Давайте спустимся ко мне на лестничную клетку и снимем меня на фоне... плесени». Кстати, эта съемка помогла: вскоре отремонтировали и сделали кафель.

А на фоне книг я снимаюсь в своей телепередаче «Смехопанорама». Но это не декорация с нарисованными книгами — это мой кабинет. Это моя библиоте-

ка, основная масса книг в ней принадлежит юмористике.

— Провокационный вопрос: Евгений Петросян грустит когда-нибудь?

— Петросян по натуре грустный человек. Но поскольку он юморист, он смотрит на мир через юмористическую призму. А это — взгляд не пессимиста и не оптимиста, а реалиста. Юморист всегда найдет, над чем посмеяться: в момент удачи даст себе по носу, чтобы не зазнаваться, а в момент неудачи не позволит себе унывать. Так что взгляд юмориста находится посередине. Там, где, как известно, находится Истина. Поэтому юмористический взгляд на жизнь, с моей точки зрения, — целая философия, о которой тоже можно писать книги. Я стараюсь быть именно таким. Не всегда у меня это получается. Иногда хочется плакать, но я себе говорю: «Ты — юморист и должен заставить смеяться и себя, и своих зрителей». А смеяться над горькими проблемами — значит делаться чуть-чуть духовно сильнее того, над чем ты смеешься.

— Заканчивается год Собаки. Какое качество друга человека не помешало бы сейчас самому человеку?

— Преданность и равнодушие. Эти качества заложены в нашем народе. Они разовьются. Вообще в человеке, с моей точки зрения, заложено и плохое, и хорошее. Что жизнь спровоцирует, то и выявляется. Только внутренняя культура и нравственная основа не дают разгуляться отрицательной половине. Впрочем, одним — дает, другим — не дает... Я думаю, что генетически в нашем народе такие качества, как

доброта, равнодушие, преданность, существуют в избытке.

— Какую книгу Евгений Петросян посоветовал бы прочитать всей России?

— Это очень серьезный вопрос: надо думать. Знаю только, что это — не мемуары нашего президента.

— Петросян без анекдота — не Петросян.

— Вы думаете, я такой ходячий анекдотист? Нет... Я изучал этот вид фольклорного творчества и пришел к некоторым любопытным заключениям: при всем при том, что, как говорит мой друг Миша Задорнов, обострилась дружба народов и процветает национализм в какой-то части различных народов нашей страны, на национальные анекдоты не обижаются. Я понял, что национализм — это политическая игра. Я рассказывал анекдоты и про украинцев, и про евреев, и про кавказцев, и про русских, и про чукчей... В любой компании! И никто не обижается. Парадокс. Юмористический взгляд на национальный вопрос имеет очень четкий и очень трезвый ответ у всех. Поэтому хочу вам рассказать такой анекдот, который мне рассказали на Украине (хотя анекдот, вроде, направлен против меня: я москаль!): «Грицько, спили бэрэзку, а то москаль приїде, скаже: «Родина...»

— Наверное, все-таки не обижались не на анекдоты, а на Евгения Петросяна...

— На меня нельзя обижаться. Я — счастливый человек в этом смысле.

Беседовал
Александр ЩУПЛОВ.